

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.114-125

Е. Г. СтрельцоваМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Заинтересованные лица по искам о возмещении вреда при оказании медицинских услуг

Резюме. Участие заинтересованных лиц по делам о возмещении вреда при оказании медицинских услуг зависит от спорных материально-правовых отношений и особенностей фактических отношений.

Основные трудности относительно истцов связаны с выявлением заинтересованности в исках о возмещении морального вреда. Подчеркивается практическая важность детализации материально-правовой заинтересованности в части оснований ее возникновения для лиц, находящихся в фактических брачных отношениях с пациентом; малолетних детей умерших пациентов; лиц, отвечающих критерию «наличие близких связей с пациентом», в том числе не являющихся родственниками. Обосновывается, что круг лиц, имеющих право на компенсацию морального вреда из-за гибели плода, должен определяться ситуационно и может не ограничиваться родителями ребенка, состоящими в браке.

Состав заинтересованных лиц на стороне ответчика при разрешении споров о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, зависит от статуса юридических лиц, оказывавших медицинские услуги.

Критикуется практика привлечения в дело медицинских работников, из-за действий которых лицу был причинен ущерб, в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора. Процессуальные осложнения из-за дополнительного участника в первом процессе не создают явного преимущества в сравнении с рассмотрением двух споров с простым субъектным составом. Ошибочна и юридически бесцельна практика привлечения в процесс субъектов, в компетенцию которых входит дополнительное финансирование обязательств ответчика; административно-управленческого персонала медицинского учреждения, не принимавшего участия в лечении пациента.

Ключевые слова: медицинские споры; моральный вред; возмещение вреда; лица, участвующие в деле; слабая сторона; личная связь; юридический интерес; соучастие; третьи лица; регрессные требования

Для цитирования: Стрельцова Е. Г. Заинтересованные лица по искам о возмещении вреда при оказании медицинских услуг. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 6. С. 114–125. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.114-125

Interested Parties in Medical Malpractice Claims

Elena G. StreltsovaKutafin Moscow State University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The participation of interested persons in medical malpractice claims depends on the disputed material and legal relations and the specifics of the actual relationship.

The main difficulties regarding the plaintiffs are related to the identification of interest in medical malpractice claims. The practical importance of detailing the material and legal interest in terms of the grounds for its occurrence is emphasized for persons who are in actual marital relations with the patient; young children of deceased patients; persons who meet the criterion of «having close ties with the patient», including those who are not relatives. It is substantiated that the circle of persons entitled to compensation for moral damage due to fetal death should be determined situationally and may not be limited to the child's married parents.

© Стрельцова Е. Г., 2024

The interested parties on the defendant's side in resolving disputes as to compensation for damage caused to the life or health of a citizen depends on the status of legal entities that provided medical services.

The practice of involving medical workers in the case, due to whose actions the person was harmed, as third parties who do not file independent claims on the subject of the dispute, is criticized. Procedural complications due to an additional participant in the first proceeding do not create a clear advantage in comparison with the consideration of two disputes with ordinary parties. The practice of involving in the process entities whose competence includes additional financing of the defendant's obligations; administrative and managerial personnel of a medical institution who did not participate in the treatment of the patient is erroneous and legally pointless.

Keywords: medical disputes; moral damage; compensation for harm; persons involved in the case; weaker party; personal connection; legal interest; complicity; third parties; recourse claims

Cite as: Streltsova EG. Interested Parties in Medical Malpractice Claims. *Lex Russica*. 2024;77(6):114-125. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.114-125

Введение

Юридический интерес выступает главным признаком лица, участвующего в деле, определяет его статус в процессе. В исках о возмещении вреда при оказании медицинских услуг выявление наличия юридического интереса у конкретного субъекта осложнено суммой факторов, среди которых сама специфика не только правовых, но и фактических отношений, послуживших поводом к иску.

Состав лиц, которые могут обратиться в суд в защиту собственных интересов с иском о возмещении морального вреда в связи с оказанием пациенту некачественной медицинской помощи либо в связи с ее неоказанием, достаточно широк. Это: 1) пациенты; 2) лица, которым был причинен материальный ущерб из-за неоказания (некачественного оказания) медицинской помощи, и 3) лица, которым был причинен моральный ущерб из-за неоказания (некачественного оказания) медицинской помощи пациенту.

Чаще всего истцом по спорам, возникающим по поводу оказания медицинских услуг, выступает пациент. Пациенты вправе предъявлять самый широкий спектр требований, подлежащих защите: они могут требовать возмещения

как материального, так и морального вреда в соответствии с § 2 гл. 59 ГК РФ, ст. 19, 84, 98 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹, ст. 69 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств»², ст. 31 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»³, ст. 18 Федерального закона «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации»⁴, ст. 20 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)»⁵.

Впрочем, круг лиц, имеющих право обращения в суд по поводу нарушения их прав при оказании медицинских услуг, шире и не ограничивается только пациентами.

Основная часть

По требованиям о возмещении материального вреда вследствие некачественного оказания медицинских услуг истцом может выступать:

— лицо, полностью или частично финансировавшее для пациента платную медицинскую услугу, в случае если договор на оказа-

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «Консультант-Плюс»).

² Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 30.01.2024) «Об обращении лекарственных средств».

³ Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации».

⁴ Федеральный закон от 18.06.2001 № 77-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации».

⁵ Федеральный закон от 30.03.1995 № 38-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)».

ние медицинских услуг был заключен на имя этого лица в интересах пациента. В таком случае лицо, финансировавшее оказание платной медицинской услуги, имеет право требовать возвращения выплаченных денежных средств вследствие неоказания, некачественного либо несвоевременного оказания услуги или соразмерного уменьшения цены услуги, а также требовать возмещения убытков на основании ст. 28 и 29 Закона РФ «О защите прав потребителей»⁶, п. 40–41 постановления Правительства РФ от 11.05.2023 № 736⁷;

— лицо, не являющееся пациентом, но понесшее убытки вследствие неоказания медицинской услуги либо оказания медицинской услуги ненадлежащего качества пациенту, включая расходы на его погребение, на основании ст. 15, ст. 1094 ГК РФ.

На стороне истца возможно соучастие, которое, как правило, бывает факультативным, т.е. необязательным. Соистцы (например, вдова и дети погибшего пациента) подают совместный иск, но каждый из них мог бы заявить свое требование самостоятельно, в отдельном процессе. Такого рода соучастие вызвано исключительно соображениями удобства совместного рассмотрения требований.

Наибольшую сложность для определения лиц, имеющих юридический интерес к исходу дела, на стороне истцов представляют дела о возмещении морального вреда вследствие неоказания медицинской услуги либо оказания медицинской услуги ненадлежащего качества пациенту.

По требованиям о возмещении морального вреда истцами, помимо пациента, могут выступать лица, имеющие с ним личную связь. Пункт 49 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее — постановление Пленума ВС РФ № 33) устанавливает этот круг достаточно гибко, включая в него *членов семьи* такого пациента.

Избранная формулировка позволяет индивидуализировать состав членов семьи в каждом

отдельном случае и в зависимости от обстоятельств включить в этот состав свойственников и родственников независимо от степени родства. Учитывая, что понятие «член семьи» в разных законодательных актах имеет различный объем, наиболее близким будет определение членов семьи, устанавливаемое семейным законодательством. Статья 2 СК РФ относит к членам семьи супругов, родителей и детей (усыновителей и усыновленных), отчима, мачеху, пасынков и падчериц (ст. 97 СК РФ), братьев и сестер (ст. 93 СК РФ), дедушек, бабушек и внуков (ст. 94, 95 СК РФ), а также лиц, осуществлявших фактическое воспитание и содержание несовершеннолетних детей (ст. 96 СК РФ).

Тем не менее этими категориями заинтересованных лиц состав субъектов, которых потенциально можно отнести к «членам семьи», не исчерпывается.

В отношении родственников других степеней родства закон не дает прямых указаний. Но, например, касательно иной категории дел, также тесно связанной с семейными отношениями, — споров о праве на общение с ребенком и требований возмещения морального вреда из-за воспрепятствования этому — А. М. Эрделевский полагает, что «требование о компенсации морального вреда может предъявить родственник любой степени родства, при этом на него возлагается бремя доказывания факта своего родства с несовершеннолетним ребенком и факта неправомерного воспрепятствования родителям общению родственника с таким ребенком. В иске о компенсации морального вреда должно быть отказано, если родители ребенка докажут, что общение с родственником противоречит интересам ребенка или его желанию. При определении размера компенсации морального вреда в качестве заслуживающих внимания обстоятельств должны учитываться, в частности, степень родства между несовершеннолетним ребенком и его родственником, история развития отношений между ними и др.»⁸.

Еще более сложной, но не менее актуальной является проблема возмещения мораль-

⁶ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей».

⁷ Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 04.10.2012 № 1006».

⁸ Эрделевский А. О свойственниках и дальних родственниках в гражданском и семейном праве // СПС «КонсультантПлюс». 2021.

ного вреда лицам, не связанных родством и при этом находящихся с пациентом в семейных отношениях.

Чаще всего к ним можно отнести лиц, состоящих в фактических брачных отношениях, в том числе ранее разведенных супругов⁹, а также опекунов и попечителей пациента. Но круг таких лиц гораздо шире: жизнь достаточно многообразна, и семейные отношения возникают в самых разных вариантах. Это могут быть родители бывшего супруга; иждивенцы, вообще никак не связанные узами родства, но в силу человеческих отношений и долгих совместных лет проживания воспринимающие себя как члены единой семьи, и т.д. При этом в настоящее время судебная практика не выработала единого подхода к включению в круг членов семьи таких лиц. Например, Второй кассационный суд общей юрисдикции, поддерживая позицию нижестоящих судов, указал, что «ввиду того, что действующее законодательство не содержит норм о компенсации морального вреда лицам, состоявшим в фактических брачных отношениях с умершим лицом, отсутствуют правовые основания для удовлетворения требований А. о взыскании компенсации морального вреда»¹⁰.

Впрочем, этот же суд, рассматривая законность постановлений нижестоящих судов по другому делу, не счел незаконным вывод суда первой инстанции о том, что «несостоятельны доводы ответчика в той части, что истцу А. необходимо в компенсации морального вреда отказать, поскольку она не состояла в браке с умершим В., указав, что согласно пояснений Б. она более 20 лет находилась с умершим В. в фактических брачных отношениях, вела с ним совместное хозяйство, а согласно пояснений дочери — истца Д. все близкие и родственники В. знали на протяжении более 20 лет и воспринимали ее как супругу, поскольку они действительно проживали на протяжении длительного времени одной семьей»¹¹.

По некоторым требованиям, связанным с возмещением морального вреда, важна детализация заинтересованности в материально-правовом смысле в части оснований ее воз-

никновения. Так, в требованиях о возмещении морального вреда, причиненного потерей плода, включая иски, вытекающие из проведения процедур ЭКО, выявляется двойная связь для истца: как пациента и как матери нерожденного ребенка. Эта связь в судебных решениях выражается как косвенно, когда в них указывается на «физические и нравственные страдания», так и прямо. В последнем случае суды отмечают различия в причинах морального вреда. В судебной практике нередки случаи, когда суд взыскивает в интересах истицы компенсацию морального вреда, причиненного ей как пациентке, но отказывает в компенсации морального вреда как матери умершего в ходе родов или беременности ребенка, не усматривая связи между ошибочными действиями медицинского персонала и смертью последнего. Достаточно типичной является правовая позиция, выраженная следующим образом: «Суд исходил из того, что несмотря на отсутствие обстоятельств, указывающих на факт наличия причинно-следственной связи между действиями сотрудников “Городской родильный дом” и наступившей смертью плода К. Г., имелись недостатки по оказанию медицинской помощи, в связи с чем пришел к выводу о возложении обязанности на ответчика по компенсации морального вреда»¹².

Следует отметить, что этот подход — разделение оснований морального вреда — необоснованно не применяется к остальным лицам, которые также имеют право выступать в качестве истцов по делам о возмещении морального вреда, последовавшего из-за гибели ребенка и страданий роженицы. Вообще в текущей судебной практике соучастие по таким искам не распространено: в основном иски о возмещении морального вреда, последовавшего из-за прерывания беременности или неудачных родов, предъявляются только женщинами. Между тем у мужчин-истцов по этим искам есть право на возмещение морального вреда по двойной связи: как у супруга, близкого человека для беременной женщины и как у отца нерожденного ребенка. Обычно суды удовлетворяют требования в отношении морального вреда,

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 23.12.2014 № 2947-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Самсоновой Надежды Евстафьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 10 Семейного кодекса Российской Федерации».

¹⁰ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2022 по делу № 88-1685/2022.

¹¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.02.2023 по делу № 88-3015/2023.

¹² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 04.04.2023 № 88-9432/2023.

последовавшего из-за несостоявшегося отцовства. Так, принимая решение в удовлетворении исковых требований, суд указал, что «виновными действиями ответчика истцам, ожидавшим рождения ребенка, причинен моральный вред в виде нравственных страданий, обусловленных недостижением запланированного результата (рождение живого ребенка), нарушением прав истцов на материнство и отцовство в отношении данного ребенка, на обладанием родственными и семейными связями с ним»¹³. Второй аспект морального вреда — нравственные страдания из-за близкого человека — судами не рассматривается.

Между тем в случаях, когда суд приходит к выводу об отсутствии связи между смертью ребенка и действиями медицинского персонала, супруг женщины, которой была оказана медицинская услуга ненадлежащего качества, сохраняет возможность требовать возмещения ему морального вреда, последовавшего из-за страданий близкого человека. Представляется, что практически важно разделять два требования, выделяя в исковом заявлении каждое основание отдельно, мотивируя их особо. В таком случае, если суд выявит отсутствие прямой либо косвенной связи ненадлежащего оказания медицинских услуг с потерей беременности, но установит наличие ошибок оказания медицинских услуг в отношении пациентки, супруг женщины должен иметь право на компенсацию морального вреда по второму основанию. Заметим также, что подобная детализация требований целесообразна в части доказывания позиции истца: в случае обоснования причинения вреда матери ребенка вопрос возмещения ущерба из-за потери беременности можно доказывать посредством применения доктрины «утраты шанса»¹⁴.

В особую группу можно выделить иски отцов, не состоящих в браке, по требованиям о возмещении морального вреда в связи с гибелью плода. В редчайших случаях совместного предъявления исков о возмещении морального вреда лицами, не состоявшими в браке, суд, в целом не исключая такой возможности абстрактно, конкретные требования, как пра-

вило, не удовлетворяет, ссылаясь, например, на отсутствие прямой или косвенной причинно-следственной связи между «антенатальной гибелью плода и недостатками оказания медицинской помощи, допущенными работниками клинической больницы»¹⁵.

В приводимом примере суд взыскал моральный ущерб в пользу женщины, потерявшей ребенка, указав, что «недостатки оказания медицинской помощи в виде неполного объема обследований в период амбулаторного наблюдения истицы не оказали негативного влияния на ее состояние и не способствовали наступлению неблагоприятного исхода, между допущенными недостатками оказания медицинской помощи и прерыванием беременности прямой или косвенной причинно-следственной связи не имеется, поэтому суд первой инстанции пришел к выводу, что допущенные при оказании истнице медицинской помощи недостатки свидетельствуют о наличии оснований для взыскания в ее пользу компенсации морального вреда»¹⁶.

Особенность изложения судебного решения по данному делу не дает возможности установить, как соистцом были заявлены требования о взыскании морального вреда — по двум основаниям (моральный вред, последовавший в связи с прерыванием беременности, и моральный вред, последовавший в связи с ошибками в оказании медицинской помощи женщине, с которой соистец находился в фактических брачных отношениях) либо по одному из них, или они в целом не выделялись. Фактическая и правовая аргументация данного дела выстраивается вокруг морального вреда, последовавшего из-за прерывания беременности, но в отношении соистца в решении суд не отражает отдельно вопрос наличия морального вреда, наступившего из-за страданий женщины, которой медицинская помощь была оказана с ошибками. Представляется, что точно так же, как супруг женщины-пациентки, мужчина, находящийся с пациенткой в фактических брачных отношениях, имеет право на возмещение морального вреда, последовавшего из-за страданий близкого человека, если обоснует в суде соответствующую близкую связь.

¹³ См. аналогичную позицию в апелляционном определении Тамбовского областного суда от 22.10.2018 по делу № 33-3799/2018.

¹⁴ Подробнее о доктрине см.: Михайлов В. С. Концепция фактической причинной связи и некоторые проблемы ее применения // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18. № 3. С. 103–161.

¹⁵ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.04.2023 № 88-9008/2023.

¹⁶ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.04.2023 № 88-9008/2023.

Следует отметить, что практике известны случаи, когда с исками о возмещении морального вреда, связанного с гибелью плода, обращаются не только отцы, но и иные близкие лица беременной женщины. На наш взгляд, само требование в подобных случаях допустимо, если оно в полной мере соответствует положениям ГК РФ и позиции Пленума ВС РФ, которые устанавливаются для данных заинтересованных лиц критерии, обсуждавшиеся выше (член семьи, близкие связи). Таким близким родственником может выступать мать, бабушка и т.д. Представляется, что при указанных исках моральный вред, в отличие от вреда, причиненного отцу ребенка (плода), должен взыскиваться лишь по основанию близкой связи истца с беременной женщиной, а не по связи истца с ребенком. Однако судебная практика идет по неверному, на наш взгляд, пути и отказывает в удовлетворении требований о возмещении морального вреда в таких случаях.

Так, мать и дочь предъявили совместный иск о возмещении морального вреда в связи с гибелью плода, наступившей от острой внутриутробной асфиксии, обусловленной острым нарушением маточно-плацентарно-плодового кровообращения на фоне хронической плацентарной недостаточности. Отказывая в удовлетворении требований в отношении матери, суд признал, что дочери медицинская помощь была оказана с дефектами, включая постановку неверного диагноза. При этом суд указал, что мать «в рассматриваемом споре непосредственно потребителем медицинских услуг не являлась, у суда не имелось оснований и для компенсации морального вреда матери на основании ст. 151 ГК РФ, поскольку мать обосновала свои требования нравственными страданиями в связи с потерей ее родной дочерью ребенка в молодом возрасте»¹⁷. Как представляется, в анализируемом деле суды всех инстанций допустили последовательную ошибку, прямо увязав возникновение морального вреда с условием непосредственного получения медицинской услуги. Между тем, как справедливо указывалось в одном из исковых заявлений, поданном, впрочем, только одним истцом, «рождение мертвого ребенка причинило истице глубокие нравственные страдания,

сказалось на психическом состоянии всей семьи»¹⁸. Полагаем, что круг лиц, имеющих право на компенсацию морального вреда из-за гибели плода, должен определяться ситуационно и может не ограничиваться родителями ребенка, состоящими в браке.

Совсем особый случай представляет обратная ситуация — право на возмещение морального вреда ребенку женщины, умершей в ходе родов из-за ошибки врачей.

С точки зрения п. 49 постановления Пленума ВС РФ № 33, уточняющего общие положения применительно к отношениям, возникшим вследствие неоказания или некачественного оказания медицинских услуг, моральный вред должен выражаться в прямых последствиях, выраженных «в частности, в заболевании, перенесенном в результате нравственных страданий в связи с утратой родственника вследствие некачественного оказания медицинской помощи, переживаниях по поводу недооценки со стороны медицинских работников тяжести его состояния, неправильного установления диагноза заболевания, непринятия всех возможных мер для оказания пациенту необходимой и своевременной помощи, которая могла бы позволить избежать неблагоприятного исхода, переживаниях, обусловленных наблюдением за его страданиями или осознанием того обстоятельства, что близкого человека можно было бы спасти оказанием надлежащей медицинской помощи».

Эта формулировка предполагает явное и безусловное осознание лицом своих страданий, последовавших из-за страданий близкого ему человека.

Между тем данное условие, устанавливаемое законом, не всегда поддерживается судебной практикой. Например, в деле о взыскании морального вреда вследствие смерти женщины, не состоявшей в браке, было установлено, что «Д., совместный малолетний ребенок истца К. и умершей женщины, не знает о своей биологической матери, видит только ее фотографию дома, в настоящее время проживает с К. и его новой супругой, которую считает своей матерью. Определяя размер компенсации морального вреда в сумме 450 000 руб. в пользу К. и 850 000 руб. в пользу Д., суд первой

¹⁷ Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 15.10.2019 № 33-20253/2019.

¹⁸ Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 10.04.2019 по делу № 33-5069/2019.

инстанции принял во внимание характер физических и нравственных страданий К. и Д.»¹⁹.

Обращает на себя внимание противоречивость в позиции суда: в пользу малолетнего Д. суд взыскал сумму компенсации морального вреда, которая практически в два раза превышала сумму, взысканную в пользу совершеннолетнего лица, состоявшего с умершей в фактических брачных отношениях. При этом суд установил, что к моменту рассмотрения дела малолетний Д. о своей матери фактически не знает и, в отличие от своего отца, нравственных страданий по поводу ее смерти не испытывал и не испытывает. Отсутствие нравственных страданий в период времени, предшествовавший обращению в суд, само по себе не являлось основанием для отказа в удовлетворении иска, поскольку суд посчитал, что такие страдания возможны в будущем.

Подобное решение суда можно объяснить только предположением о будущих нравственных страданиях малолетнего, который в определенном возрасте, возможно, узнает о смерти своей матери. При этом никакого реального обоснования взыскиваемой суммы суд, принимающий решение, очевидно, сформулировать не может. Прежде всего суд не может выявить степень будущих страданий и, таким образом, установить соразмерную этим страданиям компенсацию. Очевидно, что, например, для одного малолетнего информация об умершей вследствие родов матери может повлечь временное нарушение привычного психологического фона, а для другого стать причиной длительной депрессии, требующей лечения. Таким образом, при постановлении решения о взыскании морального вреда в пользу малолетнего по объективным причинам не могут быть соблюдены требования разумности и справедливости при взыскании морального вреда. С учетом того, что на основании ст. 208 ГК РФ срок исковой давности по таким требованиям не ограничен, заявление требования о взыскании морального вреда в интересах малолетнего не является необходимостью в период, когда он не может осознавать значение определенных событий и выразить свое отношение к ним.

Впрочем, и полностью исключать предъявление этих исков нецелесообразно. Например, при предъявлении иска в интересах малолетнего непосредственно после факта, послужившего основанием возникновения права требования,

либо спустя короткое время после данного факта учитывается такое обстоятельство, как угроза прекращения деятельности лица, оказывающего соответствующие медицинские услуги. Очевидно, что спустя 10–15 лет после факта причинения вреда здоровью причинители вреда с высокой вероятностью могут уже прекратить свою деятельность.

Устанавливая разумный баланс между эффективной защитой прав малолетнего и справедливым возмещением причиненного ему вреда, полагаем, что в отношении компенсации морального вреда *следует реализовать подход, установленный законодателем в отношении возмещения вреда, причиненного здоровью несовершеннолетнего, а именно:*

1) допустить принятие решений о компенсации морального вреда в отношении малолетних исходя из предположения об их будущих страданиях;

2) установить промежуточный характер решения, допустив возможность предъявления дополнительного требования о компенсации морального вреда в период осознания малолетним случившегося;

3) установить возможность взыскания дополнительного возмещения морального вреда в случае, если первоначально взысканная сумма морального вреда не будет явно соответствовать степени нравственных страданий лица, получившего первоначальную компенсацию в малолетнем возрасте.

Подводя итог обсуждению вопроса, связанного с определением круга потенциальных истцов по делам о возмещении морального вреда, следует отметить, что для лиц, не являющихся пациентами и претендующих на компенсацию морального вреда, из трех критериев, упоминаемых в п. 49 постановления Пленума ВС РФ № 33, максимально верным, на наш взгляд, является условие «близких связей», поскольку оно наиболее точно связано с фактическими отношениями между лицами. В отличие от этого критерия, «семейные связи» и «родственные связи» сами по себе являются более формализованными критериями и могут как соответствовать действительности, так и полностью не отвечать реальным обстоятельствам дела. Судебная практика в целом ощущает потребность в разделении формальных и фактических отношений между пациентом и лицом, которому был причинен моральный вред, употребляя

¹⁹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16.05.2023 № 88-9844/2023.

термины «взаимная привязанность» и «душевная близость»²⁰.

В целях уточнения критерия «близких связей» полагаем, что судам было бы правильно ориентироваться на условие «особой эмоциональной связи между истцом и лицом, которому был причинен вред вследствие неоказания или ненадлежащего оказания медицинских услуг». Именно такая характеристика близких связей является краеугольной для определения круга лиц, которые имеют юридический интерес во взыскании компенсации морального вреда, наступившего вследствие ущерба жизни и здоровью другого лица из-за оказания медицинских услуг ненадлежащего качества либо их неоказания. Она не зависит от родства, свойства, совместного проживания, даже частоты общения.

Ответчиками по делам, в которых предъявляется требование о возмещении материального и морального вреда, последовавшего из-за некачественного оказания (неоказания) медицинских услуг, выступают лица, оказывавшие эти услуги. В своем большинстве это медицинские организации государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения. Однако гораздо больше при рассмотрении споров, связанных с оказанием некачественных медицинских услуг или их неоказанием, распространено процессуальное соучастие. Наиболее часто соучастие на стороне ответчика возникает при участии нескольких медицинских организаций в процессе оказания медицинской помощи, в том числе в условиях разорванности по времени, а также при привлечении в процесс страховых организаций. Такое соучастие является обязательным: без привлечения в статусе соответчиков всех заинтересованных лиц процесс будет считаться незаконным, а решение по делу подлежит отмене по безусловным основаниям (ч. 4 ст. 330 ГПК РФ)²¹. При этом основания обязательного соучастия различны.

При разрешении споров о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, значение имеет статус юридического лица, оказывавшего медицинские услуги.

Собственник имущества предприятия, основанного на праве оперативного управления (казенного предприятия), в силу п. 5 ст. 115 ГК РФ несет субсидиарную ответственность по обязательствам такого предприятия при недостаточности его имущества.

В соответствии с п. 3 ст. 123.21 ГК РФ частное, государственное или муниципальное учреждение отвечает по своим обязательствам находящимися в его распоряжении денежными средствами. При недостаточности указанных денежных средств субсидиарную ответственность по обязательствам такого учреждения несет собственник его имущества. В пункте 10 постановления Пленума ВС РФ от 26.01.2010 № 1 указывается, что, «учитывая субсидиарный характер ответственности собственников имущества унитарных предприятий и учреждений (когда такая ответственность предусмотрена законом), судам следует привлекать таких собственников к участию в деле в качестве соответчиков в порядке, предусмотренном частью 3 ст. 40 ГПК РФ»²².

По делам, в которых к оказанию услуг были привлечены несколько медицинских учреждений, привлекаются все учреждения, участвовавшие в постановке диагноза, лечении, оказании иных медицинских услуг. Чаще всего такого рода соучастие возникает при переводе в ходе лечения пациента из одного медицинского учреждения в другое; при первичной постановке диагноза и госпитализации силами скорой медицинской помощи и последующем лечении в медицинском учреждении; при привлечении для проведения консилиума сторонних специалистов.

Ошибочным является привлечение в процессуальном статусе третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, одного из медицинских учреждений, в котором проходила часть лечения пациента. Например, в деле о взыскании компенсации морального вреда с ООО «З» из-за аллергической реакции, последовавшей вследствие отсутствия сбора перед проведением процедуры достаточных данных анамнеза, в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований

²⁰ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 06.06.2023 № 88-11695/2023.

²¹ См., например, апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 02.08.2022 № 33-11245/2022.

²² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».

на предмет спора, была привлечена ЦКБ, куда пациентку госпитализировали с отеком Квинке²³. Требования пациенткой были заявлены в отношении одного медицинского учреждения — ООО «З». ЦКБ в данном деле могла участвовать лишь в статусе соответчика, поскольку у медицинского учреждения может быть только прямая ответственность в деле о компенсации морального ущерба пациенту. Процессуальное положение ЦРБ как ответчика давало бы возможность суду распределить ответственность, если бы были установлены соответствующие основания, между двумя медицинскими организациями.

Тем не менее подобное решение — привлечение в качестве соответчика, в том числе по усмотрению суда, — допустимо лишь в случае, когда действия второго и последующих медицинских учреждений не связаны с оказанием дальнейшей помощи, необходимость оказания которой возникла из-за ошибок, допущенных первым медицинским учреждением. Так, в анализируемом выше деле между госпитализацией во второе медицинское учреждение и прекращением медицинских мероприятий в первом медицинском учреждении прошло более суток, а обращение во второе медицинское учреждение имело место по инициативе пациента. Однако чаще всего суд к моменту подготовки дела к судебному разбирательству не может достоверно исключить вину второго медицинского учреждения. В подобных обстоятельствах суд должен привлекать все медицинские учреждения, оказывавшие помощь пациенту, только в статусе соответчиков. Например, такое решение должно приниматься судом во всех случаях, когда медицинская помощь оказывалась пациенту несколькими медицинскими учреждениями последовательно и непрерывно или совместно, даже в случаях, когда пациент в качестве ответчика указывает только одно медицинское учреждение.

В случае если вред причинен пациенту действиями лица, заключившего договор с медицинским учреждением для оказания услуг при госпитализации и лечении пациента (это, например, могут быть организации, оказывающие услуги транспортировки пациентов, клининговые услуги и т.д.), их статус в процессе зависит от вида договора, заключенного меж-

ду медицинским учреждением и такой организацией. Чаще всего лица, привлекаемые по договору с медицинским учреждением о выполнении отдельных видов работ и оказании услуг, не относящихся к услугам медицинского профиля, не могут выступать в качестве соответчиков и ответственность за них несет медицинское учреждение, сохраняя за собой право регресса (ст. 1081 ГК РФ) в случае, если эти действия стали источником причинения вреда пациенту (вопрос целесообразности привлечения данных лиц в процесс в статусе третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, обсуждается ниже). Однако если деятельность лиц, выполнявших отдельные виды работ при оказании медицинских услуг, была застрахована (чаще всего на практике страхуется деятельность по перевозке пациентов), то в качестве соответчика должна быть привлечена страховая организация.

В случае если автомобиль, на котором перевозился пациент, или оборудование, используемое при лечении пациента, принадлежит на праве собственности другому лицу и передано лечебной организации в оперативное управление, это не создает соучастие на стороне ответчика. На практике случается ошибочное привлечение в процесс собственника имущества, передавшего в оперативное управление транспортное средство медицинской организации²⁴.

Столь же ошибочным является привлечение в качестве соответчика работника медицинской организации, выполнявшего свои трудовые функции в момент причинения вреда²⁵.

Ответственность по заявленному требованию может нести только медицинская организация как лицо, на законных основаниях владеющее источником повышенной опасности и использующее автомобили, оборудование при осуществлении трудовых функций своими работниками (п. 1 ст. 1068, абз. 2 п. 1 ст. 1079 ГК РФ).

Ошибочной является практика, когда в качестве третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, привлекаются субъекты, чьи требования не входят в противоречие с требованиями истца. Так, в деле о взыскании компенсации морального вреда, причиненного истцу смертью его матери, последовавшей из-за ошибочного лечения, в дело

²³ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 03.11.2023 по делу № 33-17758/2023.

²⁴ Апелляционное определение Липецкого областного суда от 11.04.2018 по делу № 33-1210/2018.

²⁵ Апелляционное определение Липецкого областного суда от 11.04.2018 по делу № 33-1210/2018.

были допущены близкие родственники умершей — два третьих лица, заявляющих самостоятельные требования, прося суд взыскать моральный ущерб по основаниям, *аналогичным основаниям истца*²⁶. Даже в случаях, когда лица, претендующие на взыскание материального ущерба или компенсации морального вреда, действуют в процессе один против другого, например оспаривая факт наличия моральных страданий, их участие в процессе является соучастием, поскольку сам факт удовлетворения требований одного, а также размер взыскания никоим образом не исключает удовлетворение требований другого заинтересованного лица.

В делах, связанных с неоказанием (некачественным оказанием) медицинских услуг, могут участвовать третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на предмет спора (ст. 43 ГПК РФ). Наиболее распространенным основанием будет участие третьих лиц на стороне ответчика. Этот процессуальный статус чаще всего могут получить медицинские и фармацевтические работники государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения, из-за чьих фактических действий лицу был причинен моральный или материальный ущерб.

Такого рода процессуальное решение является законным, однако вопрос его целесообразности достаточно спорен. Правовой целью участия в процессе третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, является предотвращение неблагоприятных для него юридических последствий, что предполагает активное участие в деле, использование всех процессуальных инструментов для защиты своего права. Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на предмет спора, обладают всеми правами заинтересованных лиц, указанными в ст. 35 ГПК РФ: в частности, суд, рассматривающий дело, обязан отложить рассмотрение дела, если отсутствуют сведения о надлежащем извещении заинтересованного лица или он признает причину неявки последнего уважительной (ч. 2 ст. 167 ГПК РФ).

Помимо этого, на основании ст. 35, 320 ГПК РФ и др. третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований на предмет спора, имеет право обжалования — что также отражается на моменте вступления решения в законную силу, общей длительности судебного

процесса и вызывает для заинтересованных лиц неопределенность правового положения, моральный дискомфорт, связанный с незавершенностью дела, и т.д. Соответственно, номинальное привлечение третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, процессуально бесцельно; наоборот, активное участие такого лица способно повлиять на длительность и сложность рассмотрения дела.

Кроме того, необходимо учитывать специфику дел: истцом выступает лицо, которому был причинен моральный вред или материальный ущерб вследствие недостатков качества оказания медицинских услуг. А в случае, если третьим лицом, не заявляющим самостоятельных требований на предмет спора, выступают организации, осуществлявшие отдельные действия, не связанные с медицинскими манипуляциями (например, приготовление пищи, которой отравился пациент), медицинские и фармацевтические работники, из-за чьих действий лицу был причинен моральный или материальный ущерб, их привлечение в процесс связано с будущим регрессным требованием и, таким образом, происходит в основном в интересах ответчика.

Процессуально-правовые интересы истца привлечением в процесс такого лица в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, не защищаются. Полагаем, что в случае привлечения в процесс организаций, осуществляющих отдельные действия, не связанные с медицинскими манипуляциями, а также медицинских и фармацевтических работников, из-за чьих действий лицу был причинен моральный или материальный ущерб, в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, не защищаются интересы правосудия в целом, поскольку процессуальные осложнения из-за дополнительного участника в первом процессе не создают глобального преимущества в отношении временных, финансовых и иных затрат судебной системы, задействованных для рассмотрения судебного спора, основанного на регрессном требовании, в сравнении с рассмотрением двух споров с простым субъектным составом.

Между тем особенности правоотношения, служащего основанием обращения в суд, по-

²⁶ Апелляционное определение Орловского областного суда от 23.08.2023 по делу № 33-2348/2023, 2-4792/2022.

зволяют применить к истцу критерий слабой стороны²⁷ в материально-правовых и процессуальных отношениях с ответчиком. Ответчик является профессиональным участником отношений, связанных с оказанием медицинских услуг, обладает организационными и профессиональными ресурсами. Признание истца слабой стороной, в свою очередь, ориентирует суд на управление процессом с учетом дополнительной защиты интересов последней. Одним из таких результатов могут быть действия суда в конкретном процессе, исключающие появление в нем необязательных (факультативных) участников.

Заключение

Исходя из приведенных доводов, полагаем, что в делах о возмещении морального или материального вреда, возникшего вследствие оказания медицинских услуг ненадлежащего качества либо их неоказания пациенту, суду следует проявлять дополнительную организационную активность и допускать третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований на предмет спора, только в случае прямо выраженного согласия истца после разъяснения ему последствий, связанных с привлечением в процесс таких лиц в соответствии со ст. 43 ГПК РФ.

Текущая судебная практика не демонстрирует единства по указанному вопросу.

Суды, на наш взгляд, справедливо отказывают в привлечении в процесс лечащих врачей в случае, если в экспертном заключении указано, что медицинские манипуляции, произведенные этими врачами, были ошибочны²⁸, поскольку само по себе экспертное заключение об ошибочности конкретных действий не затрагивает прав и интересов данных лиц в смысле наличия правовых последствий вследствие вынесенного по делу решения.

Но есть и прямо противоположная практика. В одном из анализируемых дел лечащий врач привлекается в процесс в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных

требований на предмет спора, однако, будучи извещенным надлежащим образом о месте и времени рассмотрения дела, «в судебное заседание не является; об отложении судебного заседания не просит»²⁹, т.е. проявляет пассивную процессуальную позицию, не соответствующую цели его привлечения в процесс.

Столь же ошибочным представляется привлечение в процесс в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, Министерства финансов регионального уровня по спорам, инициированным гражданами³⁰. Обязанности финансирования по конкретным выплатам для гражданина, которые могут возникнуть у соответствующего органа власти, связаны *не с опосредованным* действием решения по делу на третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований на предмет спора: такое решение не воздействует принудительной силой на права и обязанности третьего лица. Они вытекают из ч. 2 ст. 13 ГПК РФ, устанавливающей, что «вступившие в законную силу судебные постановления... являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления... и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации». Поэтому исходя из содержания указанной нормы является ошибочным и юридически бесцельным привлечение в процесс лица, в компетенцию которого входит дополнительное финансирование обязательств ответчика.

Аналогичная ошибка допускается в случае, когда в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, в делах об удовлетворении требований о возмещении морального или материального ущерба, возникшего вследствие неоказания медицинских услуг надлежащего качества, в дело привлекаются должностные лица медицинского учреждения, не принимавшие непосредственного участия в лечении пациента: главный врач, заместитель главного врача медицинского учреждения³¹. В случае если должностное лицо медицинского учреждения

²⁷ Этот критерий не распространяется автоматически на заинтересованное лицо.

²⁸ Апелляционное определение Пензенского областного суда от 16.04.2019 по делу № 33-1425/2019.

²⁹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 03.11.2023 по делу № 33-17758/2023.

³⁰ Апелляционное определение Верховного суда Республики Ингушетия от 19.12.2019 № 33-1162/2019 по делу № 2-655/2019.

³¹ Апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 22.06.2021 № 33-2018/2021 по делу № 2-65/2021.

принимало решения, отразившиеся на специфике оказания медицинской помощи, оно не несет непосредственной ответственности перед пациентом, как не несет такой ответственности лечащий врач. Статья 1068 ГК РФ устанавливает ответственность юридического или физического лица за вред, причиненный его работником. Если же должностное лицо не принимало не-

посредственного участия в лечении пациента, то вопросы, связанные с организацией работы медицинского учреждения, выходят за рамки предмета судебной деятельности по данной категории дел, кроме случаев, когда при рассмотрении дела обнаруживается такое нарушение и суд выносит частное определение (ст. 226 ГПК РФ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Михайлов В. С. Концепция фактической причинной связи и некоторые проблемы ее применения // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18. № 3. С. 103–161.

Эрделевский А. О свойственниках и дальних родственниках в гражданском и семейном праве // СПС «КонсультантПлюс». 2021.

REFERENCES

Erdelevsky A. About relatives and distant relatives in civil and family law. Legal reference system «Konsultant Plus:» [Electronic resource]. «KonsultantPlus». 2021.

Mikhailov VC. The concept of actual causation and some problems of its application. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2018;3:103-161. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрельцова Елена Геннадиевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
egstrelcova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena G. Streltsova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil and Administrative Proceedings, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
egstrelcova@msal.ru

Материал поступил в редакцию 2 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 4 мая 2024 г.

Принята к печати 15 мая 2024 г.

Received 02.03.2024.

Revised 04.05.2024.

Accepted 15.05.2024.